

УДК 327.81:061.1ЕС

А.В. Семенов

**СТОЛКНОВЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ СФЕР: «РЕЖИМЫ ОБСУЖДЕНИЯ» ОТНОШЕНИЙ
ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И РОССИИ**

Рассматривается проблема отношений Европейского союза в публичной сфере, различные траектории институционального строительства публичной сферы и их влияние на «режим обсуждения» общих проблем, указывается на специфические для каждой из сторон проблемы в развитии публичной сферы. На примере программы «Партнерство для модернизации» и саммитов 2010–2011 гг. анализируются особенности обсуждения общих вопросов в России и на уровне Европейского союза. Делается вывод о том, что полноценный диалог по политическим вопросам взаимодействия России и ЕС еще только предстоит, но возможности для его реализации сужаются в связи с кризисом еврозоны и неясными перспективами российского политического режима.

Ключевые слова: публичная сфера, ЕС, Россия, модернизация.

Политические отношения Европейского союза с Россией являются предметом политических дискуссий с момента заключения учредительного договора ЕС в Маастрихте. Обе стороны играют важную роль в формировании идентичности друг друга. Как справедливо заметил норвежский исследователь Ивэр Нойманн, «...если человеческий коллектив стремится репрезентировать «западное» или «европейское» «Я», ему обязательно нужна «восточная» или «азиатская» тень...» [1. С. 266]. Присоединение в Европейскому союзу стран Восточной Европы и запуск программы Восточного Партнерства до предела расширили географические границы Европы. Россия в этой перспективе остается важным источником европейской идентичности, оставаясь, с одной стороны, мифом о «Большом Друге», экзотической страной с отличными от европейских традициями и нормами, с другой – частью западного мира. Европа (и Европейский союз как вершина процесса консолидации европейских наций-государств), европейские идеи и ценности, институты и процессы, в свою очередь, на протяжении последних двух веков являлись отправной точкой для самых крупных политических дискуссий России: между славянофилами и западниками XIX в., между либералами и социалистами начала XX в., между демократами и сторонниками «особого пути» в 1990-х гг. [2, 3]. Таким образом, политические дискуссии о месте России в сообществе европейских наций являлись важной составляющей политических процессов по обе стороны российской границы.

Создание Европейского союза поставило новые вопросы в повестке дня российской политической элиты, среди которых — стратегия взаимодействия с ЕС (конфронтация, сотрудничество, стратегическое партнерство, интеграция), формат

взаимодействия (какие площадки и на какой основе, каким образом выстраивать отношения с иным европейскими структурами — ОБСЕ, Совет Европы, НАТО), а также реакция на отдельные шаги ЕС. В свою очередь, период президентства В. Путина (2000–2008 гг.) поставил серьезные внешнеполитические задачи перед ЕС: Россия стала проводить более жесткую, если не агрессивную политику на постсоветском пространстве, в том числе выстраивая преференциальные двухсторонние отношения с наиболее сильными членами Евросоюза (Франция, Германия, Италия), тем самым лишая ЕС возможности выступать единым фронтом. Однако если действия политической элиты Москвы и Брюсселя часто становятся предметом исследований и экспертных оценок, гораздо меньшее внимание уделяется процессу обсуждения политических отношений Россия – ЕС. В сфере внешней политики у лиц, принимающих решения, несколько больше свободы действий, нежели по внутриполитическим вопросам, в то же время им приходится так или иначе ориентироваться на общественное мнение (или формировать его), тем более, что транснационализация отношений размывает границы между внутренней и внешней политикой.

В этой связи представляется актуальным изучение публичных дискуссий о политическом измерении отношений Россия – ЕС. В задачу данной статьи входило выяснение особенностей публичных сфер России и Евросоюза, а также попытка предварительного анализа режима обсуждения вопросов взаимодействия двух сторон на примере дискуссий вокруг программы «Партнерство для модернизации». Основная гипотеза заключалась в том, что траектории развития публичной сферы в ЕС и России обуславливают разные «режимы обсуждения» общих вопросов (повестку дня и зна-

чимость различных вопросов в ней, степень открытости, уровень рациональности дискуссий), более того, особенности публичной сферы ЕС и России предполагают различные способы инструментализации политической элитой результатов дискуссий. В первой части статьи мы проанализируем различия в траекториях развития публичных сфер России и ЕС, во второй – протестируем основную гипотезу.

Автор термина «публичная сфера», немецкий исследователь Юрген Хабермас в своей работе «Структурная трансформация публичной сферы» связывает само появление данного феномена с периодом раннего европейского Модерна когда происходит разрыв с традиционным разделением частное/публичное. Феодалная власть (церковь, феодалы, монарх) дезинтегрируется: Реформация и религиозные войны приводят к появлению первых свобод – свободы выбора религии в первую очередь, которая становится основой приватной автономии. Религия становится «частным делом» каждого индивида и отделяется от государства. В связи с новыми экономическими отношениями под давлением «налогоплательщиков» публичный бюджет монархий отделяется от доходов от земель правителя. Нобилитет трансформируется в «публичную власть» – парламенты и легислатуры, суды. Наконец, городские жители – наемные рабочие, профессионалы, иные сословия – образуют «буржуазное общество», которое в качестве области приватного противопоставляет себя государству [4].

Это приводит к появлению большого количества самоуправляемых автономных сообществ в Англии и Шотландии, Франции и германских мини-государствах, которые организуются в клубы, масонские ложи, литературные собрания и т.д., выступают медиаторами между частными интересами индивидов и требованиями общественной, публичной жизни. Такого рода «виртуальное общество» конституируется в «республики писателей/ученых» с соответствующей инфраструктурой газет, журналов, книг, индустрии издательского дела, кроме того, развиваются институты политической публичной сферы (помимо парламентов) – политические клубы, публичные собрания, кофе-хаусы и другие общественные места, где можно было разговаривать на общественно-политические темы. Конституируется также новый субъект публичной сферы – буржуазная публика: «частные лица, собранные вместе как публика» перед лицом общих интересов и текстов. Буржуазия становится родоначальником и носителем «общественного мнения» – новой социальной

и политической силы, наряду с экономикой и государственной властью, кроме того, буржуазия является социальным фундаментом возникающего «гражданского общества», гражданство в котором основано совсем на иных принципах, нежели в древнегреческом полисе. Таким образом, «буржуазная публичная сфера» осуществляла формирование сферы общественного мнения, противопоставленного государственной власти и интересам могущественных групп, которые оформляли буржуазное общество», а сам концепт публичной сферы описывал пространство институтов и практик между частными интересами повседневной жизни гражданского общества и сферой государственной власти.

В XIX в. с публичной сферой западноевропейских государств происходят структурные преобразования. Изначально интегрированная за счет единства своего субъекта – буржуазного общества – в результате последовательного развития идей либерализма, публичная сфера начиная с середины XIX в. переживает период своего распада. Это связано со следующими процессами: буржуазия превращается в правящий класс, потому ей больше нет необходимости постоянно поддерживать критическое общественное мнение; «публичное тело» буржуазии как класса дезинтегрируется по причине потери стандартов высокого образования; государство «социализуется», интересы граждан отождествляются с интересами государства; общество, в свою очередь, огосударвляется, ибо многие проблемы оказались неразрешимыми в рамках частной сферы, что потребовало интервенции со стороны государственного аппарата. Вместе с расширением государственных полномочий из частной сферы в публичную (которая до того была сферой консенсуса) привносятся конфликты, таким образом, она перестает быть ареной разумного обсуждения, но – ареной столкновения групповых интересов, вплоть до насилия. Государственная интервенция в частную жизнь заключается в регулировании рынка труда, заботе об общественной безопасности, схематизации и стандартизации контрактов. Появление новых экономических агентов – больших предприятий, в том числе с государственным капиталом, приводит к появлению новых, невидимых «публике» центров власти. Отныне «публичной сфере отводятся «рекламные» функции. Чем больше она используется как машина для политической и экономической пропаганды, тем более она деполитизируется в целом и становится псевдо-приватной» [5. С. 175]. Как заключает один из современных исследователей публичной сферы Пол Разерфорд, «публичная

сфера остается местом производства общественного мнения, которое уже оформлено в исследованиях и опросах, до определенной степени предполагающих это мнение путем постановки одних вопросов и игнорирования других. В ситуации исключения благ и рисков, конкурирующих за внимание публики, эта сфера остается противоречивой» [6. С. 247].

В то же время динамика развития публичной сферы в Европе отличалась наличием контртенденций: инновации в политической организации (расширение демократии участия, появление социальных движений, дифференциации в рамках третьего сектора), развитие новых медиа и независимых дискуссионных площадок, которые позволяли публичной сфере отдельных европейских государств достигать новых стандартов в обсуждении общественно значимых проблем, вовлекать широкую публику в дискуссии. С созданием Европейского союза возникла новая проблема — создание общеевропейской публичной сферы. С середины 1990-х идут оживленные дискуссии в контексте институционального «демократического дефицита» в Европейском союзе. Этой проблеме посвящен значительный объем литературы, в том числе межуниверситетский проект «Евросфера: разнообразие и Европейская публичная сфера» (Eurosphere. Diversity and the European public Sphere). В центре внимания исследователей — возможность создания единой публичной сферы в отсутствие единого «демоса», являющегося источником общих смыслов. Так как ЕС не является нацией-государством, но пост-/ наднациональным образованием, встает вопрос о том, как может быть обеспечено единство коммуникативного пространства. В большинстве случаев речь идет о «становлении» такового [7, 8, 9], пока же в публичных дебатах наблюдается участие «сегментированной публики, возникающей вокруг политических сетей» и «институционализированной публики, специализирующейся на формировании политического курса» [10. С. 358]. В частности, это подтверждается на примере исследований повестки дня элитных европейских масс-медиа (Der Spiegel, The Economist, The Financial Times, Le Monde) [11].

В то же время исследователи отмечают, что по ряду показателей за десятилетие с небольшим существование Европейского союза значительно возросла интегрированность дебатов: больше внимания в национальных медиа уделяется общеевропейским вопросам, возросла согласованность в освещении событий между национальными и общеевропейскими медиа, национальные публики

интенсивнее вовлечены в транснациональные дискуссии, наконец, наблюдается постепенное формирование общеевропейской идентичности [12]. Кроме того, наевропейские институты по большинству вопросов, отнесенных к компетенции ЕС, играют решающую роль в дискуссиях [11]. Наличие серьезного скептицизма в данном вопросе не мешает создавать новые инструменты анализа, тем более, что, помимо сферы масс-медиа, стремительно развивается организация проблемных сетей, состоящих из экспертных и профессиональных сообществ, гражданских активистов и социальных движений, сотрудников национальных правительственных учреждений, депутатов Европейского парламента и т.д., транснациональная деятельность которых еще подлежит изучению и оценке.

Большая часть описанного выше относится к уникальному историческому опыту стран, составляющих ядро Европейского союза (Западная Европа). Другие страны имеют свою уникальную траекторию формирования публичной сферы. Россия, к примеру, отчасти повторяла европейскую динамику в конце XVIII – XIX вв., но в советский период была создана абсолютно отличная от европейской институциональная основа обсуждения общественно значимых проблем. Для российской публичной сферы XIX в. была характерна описанная Ю. Хабермасом трансформация светской салонной публики в критическую общественность, аристократического, «благовоспитанного» общества – в гражданское [13]. Российские участники политических дискуссий активно заимствовали образцы и идеи из европейского опыта, поэтому можно было говорить о конвергенции траекторий развития публичных сфер в Европе и России. Кардинальные изменения в российской публичной сфере произошли в советский период (собственно, здесь вообще трудно говорить о преемственности между публичной сферой дореволюционного и советского периодов). Изменилась сама демаркационная линия частное/публичное, некоторые исследователи применительно к советскому опыту вообще считают невозможным провести это разделение [14]. Официальные дискуссии имели целью, скорее, одобрение заранее подготовленных решений назначенной общественностью, прочие дискуссии либо находились под запретом, либо перемещались в приватное пространство кухонных разговоров.

В 1989–1993 гг. наблюдается радикальное расширение пространства публичных дискуссий, переход от «официальной общественности» к множественности конкурирующих «публик» и

идеологических платформ. С 1993 по 1999 г. при сохранении идеологического плюрализма происходит активное освоение публичной сферы, в том числе с помощью технологий «связей с общественностью». Наконец, приход В. Путина знаменует собой трансформацию полицентричной публичной сферы в моноцентричную, «официальную», где альтернативные точки зрения и идеологии вытесняются на периферию [15]. Как заключает ведущий российский специалист по исследованиям публичной сферы, «...в силу ряда причин в 1990-х гг. в России не удалось создать эффективные арены для обсуждения общественно значимых проблем и способов их решения. Воспринимая отсутствие ценностного консенсуса как проблему, в начале 2000-х гг. правящая элита взяла курс на установление «согласия сверху» путем частичного ограничения плюрализма в «ядре» публичной сферы...» [16. С. 20]

Таким образом, будучи изначально сходными, траектории развития публичных сфер России и стран Западной Европы, ставших впоследствии ядром Евросоюза, в XX в. кардинально разошлись. Перед ЕС стоит задача решения «демократического дефицита», в том числе за счет вовлечения в дискуссии широкой публики, и эта задача постепенно решается путем активизации деятельности социальных движений и неправительственных организаций, расширения полномочий Европейского парламента и общеевропейских политических партий, интеграции национальных и наднациональных медийных систем. Публичная сфера в странах ядра Евросоюза характеризуется наличием разнонаправленных тенденций: демократизации, с одной стороны, развитием корпоративного сектора и замещением активного общественного мнения пассивным, с другой. На уровне ЕС, безусловно, ведущую роль играют Европейская комиссия и Европейский совет, что зачастую позволяет говорить о «репрезентативном», «бюрократическом» характере обсуждений, но эти институты, хотя и являются наиболее сильными в плане установления повестки дня, отнюдь не обладают монополией на таковую. В России публичная сфера несколько раз кардинально трансформировалась на протяжении последних 100 лет. Последние преобразования в годы правления В. Путина привели к исчезновению плюрализма и вытеснению альтернативных дискурсов на периферию. Это касается не только вопросов внутренней, но и внешней политики, где органы государственной власти обладают фактически неограниченной монополией на формирование повестки дня правил ведения дискуссии. Далее мы рассмотрим, каким

образом различные фундаментальные характеристики публичной сферы ЕС и России влияют на «режим обсуждения» отношений между сторонами на примере дискуссий вокруг проекта «Партнерство для модернизации» и шире – результатов взаимодействия ЕС и России за последние четыре года.

Дискуссии об отношениях России и Евросоюза идут в сложном контексте переплетения международного и внутривластных контекстов. В символическом плане ЕС для российских политических деятелей – часть «Запада», а также одно из множества проявлений идеи Европы, где ЕС – лишь один из европейских/западных институтов, наряду с НАТО, ОБСЕ, Советом Европы, ОЭСР, Группой 8 и др. Зачастую повестки дня отношений ЕС–Россия пересекаются: права человека и верховенство права – одна из ключевых сфер деятельности Совета Европы, демократическое управление, соблюдение стандартов избирательного процесса, решение этнических конфликтов – в сфере компетенции ОБСЕ. На уровне саммитов G8 (а с недавнего времени – и G20) российские политические лидеры встречаются с лидерами ведущих европейских стран. С одной стороны, наличие большого количества переговорных площадок облегчает обсуждение общих проблем, делает этот процесс более прозрачным для наблюдателей, с другой – существует опасность своеобразного «цепного паралича», когда решение проблемы в одной сфере (например, в вопросе размещения ЕвроПРО по линии НАТО или соблюдения стандартов избирательного процесса по линии ОБСЕ) становится условием для прогресса в других. В целом, диалог между Россией и ЕС можно назвать институционализированным: существует базовое Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, разработаны «общие пространства», регулярно проводятся саммиты, действуют парламентские и ведомственные рабочие группы. Вместе с тем нельзя не отметить существенные сложности, возникающие как на уровне диалога между политиками и бюрократами, так и на уровне участия широкой публики.

На уровне высших должностных лиц отмечается существенное несовпадение во взглядах, минимизировать публичную значимость которой удается исключительно дипломатической фигурой умолчания. Так, практически в каждом заявлении накануне саммита официальными лицами подчеркивается, что Россия и ЕС являются «стратегическими партнерами», в то же время на неофициальном уровне со стороны ЕС подчеркивается, что это, скорее, риторическая фигура: «у ЕС нет чет-

кого представления о том, что такое стратегическое партнерство и в каком смысле оно применимо к отношениям с Россией», – заявил на круглом столе «Россия – ЕС» руководитель рабочей группы Европарламента по взаимодействию с Россией [17]. На одной из встреч, посвященной треугольнику отношений Россия – ЕС – НАТО, посол страны-члена ЕС подчеркнул, что «...пока у нас разные ценности, нам будет трудно договориться», с российской стороны прозвучал ответ высокопоставленного чиновника МИД: «Пока мы спорим тут о ценностях, Аль-Каида убивает людей [потому стоит прекратить эти споры]». Функционер партии «Единая Россия», присутствовавший на встрече, добавил: «Европа поймет с кем дружить после событий в Алжире и Египте» [18].

Инициатива «Партнерство для модернизации», озвученная на саммите Россия – Европейский союз в Ростове-на-Дону в мае 2010 г., имеет схожую историю: она хотя и получила однозначное одобрение на официальном уровне, в экспертной среде была воспринята не столь однозначно. Последние отмечают, что под одними и теми же словами в совместных заявлениях подразумевают разные вещи: Л. Делкур из Института международных отношений и стратегии (Франция) справедливо указывает на разное видение феномена модернизации — основы новой программы. «В то время как Россия предпочитает узкое видение модернизации в партнерстве с ЕС, последний без сомнения продвигает более широкое понимание, подразумевающая помощь в процессе реформ, которые должны быть осуществлены Россией, а также стимулирование реформ посредством поддержки источников перемен, таких как малый бизнес и гражданское общество», – пишет исследователь [19]. Действительно, если под «модернизацией» подразумевать не просто технологические обновление производства, но – в широком смысле — осовременивание, значение, утвердившееся в современной социологии, то партнерство в данной сфере требует нового качества взаимодействия и общего видения, в частности, определенного качества «режима обсуждения» общих проблем и задач. Режим обсуждения включает в себя набор принципов, институтов и правил, регулирующих формирование повестки дня, включение/исключение участников и обмен мнениями. Вопрос состоит в том, является ли режим обсуждения вопросов модернизации общим для обеих сторон.

Еще до предъявления программы широкой публике российские официальные представители выражали сдержанное недовольство содержащимся в проекте утверждением о том, что модер-

низация невозможна без построения в России правового государства и достижения верховенства закона. Деловая газета «Коммерсант» цитирует слова постоянного представителя России при ЕС Владимира Чижова о том, что в программе не должно быть «пространных рассуждений о преимуществах европейских ценностей», а отношения между Россией и ЕС в рамках сотрудничества по вопросу о модернизации – «это не отношения благодетеля и облагодетельствованного» [20]. РИА «Новости» приводят слова другого чиновника, председателя комитета Совета Федерации по международным делам Михаила Маргелова, который отметил, что в инициативе упор сделан не на ценностные аспекты взаимоотношений России и ЕС, а на отраслевые диалоги, что особенно важно с точки зрения задач модернизации, в то же время сенатор отметил, что «между Россией и ЕС нет идеологической стены, Россия – европейская страна, член Совета Европы» [21]. Наконец, глава российской делегации в ПАСЕ, председатель комитета Государственной думы по международным делам, комментируя выступление Сергея Лаврова в ПАСЕ в апреле 2010 г., характеризует модернизацию как «термин, более широкий, нежели просто получение новых технологий», но процесс, включающий такие сферы, как социальная политика, функционирование политической системы, образовательные и научные аспекты развития и т.д. Он же подчеркнул, что «Партнерство для модернизации» – не обучение, но обмен опытом и взаимопомощь во имя общего прогресса [22]. Однако несмотря на общий тон заявлений (программа должна быть двусторонней и по возможности свободной от оценок внутривнутриполитической ситуации в России), очевидно, что накануне принятия документа общего представления о смысле термина «модернизация» в российской политической среде не существовало.

Российские наблюдатели также восприняли новую инициативу неоднозначно. Так, автор либерального издания «Ежедневный Журнал» Аркадий Мошес пишет: «Новость о разработке Еврокомиссией документа под названием «Партнерство для модернизации» и ее не слишком теплый прием в Москве сами по себе вряд ли заслуживают особых комментариев. Они интересны как симптом, как иллюстрация того, что отношения между Россией и ЕС по-прежнему находятся в тупике и никакого движения в сторону «перезагрузки» реально не происходит», более того, происходит движение в обратную сторону, и «в перспективу совместной работы по решению реально стоящих перед Россией проблем верится с тру-

дом» [23]. М. Ларионова и В. Нагорный из Высшей школы экономики, с другой стороны, отмечают важность программы для технологического развития России и сотрудничества с ЕС в сферах энергетики, атомной энергии, медицины и фармацевтики и т.д. [24]. О конкретных результатах реализации программы пока ничего не говорится.

Европейский взгляд на собственную инициативу отличается консолидированным пониманием значения при отсутствии консенсуса по поводу перспектив реализации «Партнерства для модернизации». Большинство наблюдателей сходятся во мнении, что эта программа — один из инструментов, позволяющих ЕС оставить в стороне вопросы политического развития в России, делая акцент на экономико-технологической составляющей отношений, предполагая, что экономическое развитие неизбежно приведет к политическим изменениям. В тексте совместного заявления по поводу «Партнерства для модернизации» политические вопросы никак не обозначены: указывается, что общие проблемы будут решаться на базе приверженности демократическим принципам и верховенству права, а из семи направлений в рамках программы лишь два можно отнести к «политическим»: обеспечение эффективности судебной системы и антикоррупционных мер, а также усиление диалога с гражданским обществом [25]. В то же время в своих заявлениях на последнем саммите Россия – ЕС в Нижнем Новгороде президент Еврокомиссии Жозе Мануэль Баррозу и президент Европейского совета Херманн Ван Ромпей осторожно указывают на важность политического измерения программы. Первый в самом начале своего заявления говорит: «Модернизация должна быть широкой, чтобы быть успешной», и далее: «Верховенство права, защита прав граждан и выравнивание правил игры для бизнес неизбежны» [26]. Х. Ван Ромпей также указывает, что «модернизация предполагает широкую и разнообразную повестку дня», в том числе вопрос о соблюдении прав человека в России, в отношении чего «у стран-членов и европейской публики до сих пор существует настороженность» [27].

Однако позитивные и осторожные заявления лидеров ЕС не совпадают с мнениями европейских экспертов. Так, заместитель директора Центра Европейских реформ Катинка Бариш (Kátińka Barýsch) приводит несколько причин, почему данная инициатива может оказаться плохой идеей. Во-первых, разное понимание смысла модернизации как процесса сведет на нет все вложения. Во-вторых, понимание российской политической элитой России модернизации как процесса, управле-

мого государством, помимо того, что оно ошибочно, даже в таком виде обречено на провал по причине «плохого» функционирования государственных институтов. «Даже в случае успеха отдельных программ их воздействие на экономику в целом будет ограниченным до тех пор, пока конкуренция ограничена, а успешные компании вынуждены бояться коррумпированных чиновников. <...> Российская модернизация требует не вертикальной интервенции государства, но горизонтального улучшения бизнес-среды», — заключает эксперт [28]. Европейскому союзу придется либо поддерживать такое узкое понимание, либо привязать поддержку к имплементации Россией хотя бы некоторых реформ в части верховенства права и улучшения экономики. Британское издание «The Economist» вообще назвало проект «обманчивым» («phoney»), а перспективы развития отношений ЕС – Россия мрачными [29].

Последний саммит 15 декабря 2011 г. Россия – ЕС в Брюсселе лишь подчеркнул имеющиеся у сторон разногласия не только на официальном уровне, но и на уровне широкой общественности. В ответ на резолюцию Европейского парламента, призывающую провести перевыборы в России в связи с массовыми нарушениями, президент Дмитрий Медведев заявил на пресс-конференции: «Мне комментировать нечего, потому что это наши выборы. Европарламент к ним никакого отношения не имеет. Собственно, они могут комментировать всё, что угодно. Я их решения комментировать не буду, для меня они ничего не значат. <...> Европарламент должен заниматься европейскими делами. Посмотрите, сколько у вас проблем!» [30]. Со стороны председателя Европейской комиссии на пресс-конференции темы выборов и прав человека не были подняты вообще, президент Европейского совета лишь выразил обеспокоенность в связи с «нарушениями и отсутствием честности, о которых сообщали как наблюдатели, так и сами избиратели» [31]. Основным итогом саммита стало подписание документа «Совместные шаги и практические меры по переходу к безвизовому режиму краткосрочных поездок граждан России и ЕС», однако сроки перехода не были обозначены. В результате Европейским Советом по Международным Делаам саммит был назван «хромяющим» («hobbled») [32], а сам Совет выпустил доклад, в котором Евросоюз критикуется за отсутствие четкой стратегии взаимодействия с Россией [33]. Польская «Gazeta Wyborcza» в статье «Лицемерия Европы» также критикует власти ЕС за медлительность и отсутствие инициативы [34], а австрийская «Die Presse» в

редакционной статье утверждает, что «слабость ЕС укрепляет позиции Кремля», саммит же «ясно показал, насколько сильно кризис в еврозоне ограничивает внешнеполитическую дееспособность европейцев» [35]. Впрочем, практически аналогичные мнения звучат в российской прессе и экспертном сообществе: на экспертном канале Slon.ru по итогам саммита вышла статья со знаковым заголовком «В отношении сегодняшней России и ЕС изменения невозможны», автор которой заключает: «Поэтому Кремль, по-видимому, не слишком расстраивается из-за того, что отношения с Европейским союзом подменены саммитами и парадными ужинами. ЕС выдает российским лидерам карт-бланш на внутреннюю политику, с радостью принимает уходящее из страны материальное и интеллектуальное богатство, но параллельно теряет интерес к будущему самой России, ее развитию» [36]. Но по большому счету, в европейской и в российской публичной сферах интерес к отношениям Россия – ЕС и к событиям, с ними связанным, на фоне других процессов практически не проявляется. Гораздо большее внимание в повестке дня российских СМИ после саммита 15 декабря вызвала прямая линия В. Путина с населением, а европейские СМИ больше внимания уделили изменению позиции России по Сирии.

Таким образом, существующий «режим обсуждения» развития отношений Россия – ЕС можно назвать общим только в плане отсутствия серьезного интереса у широкой публики и даже у официальных лиц к этому вопросу. Скептицизм существует с обеих сторон, а в совместных заявлениях под одними словами подразумеваются разные феномены, различаются повестка дня и состав участников (так, в ЕС эксперты слышны громче, их мнения часто цитируются, в России в основном тон задают официальные лица). Ситуация остается неопределенной: с одной стороны, кризис еврозоны и мировая экономическая нестабильность делают Россию и Европейский Союз взаимозависимыми как никогда ранее в плане торговли, финансов и поставок/спроса на энергоносители. С другой стороны, электоральный цикл 2011/12 не принес улучшения во внутривосточной ситуации в России, более того, сопровождался очередным усилением антизападной риторики.

Это может быть объяснено в том числе несопадением («столкновением») различных традиций обсуждения: В ЕС до сих пор ощущается дефицит развитых общественно-политических дискуссий на наднациональном уровне, а в России публичная сфера стала напоминать советскую в плане участия лишь официальной (назначенной) общест-

венности, что фактически означает концентрацию обсуждений в руках узкой группы бюрократов из профильных правительственных учреждений. В то же время наметилось сближение стран-членов ЕС по отношению к России, происходит выработка стратегий на уровне экспертов, пресса, несмотря на «технический» характер саммитов, все-таки уделяет им внимание. Тем не менее в России серьезных сдвигов в плане вовлечения широкой публики и экспертов в дискуссии не наблюдается, а без этого отношения между Европейским Союзом и Россией в ближайшей перспективе обречены быть партнерством (бороться с финансовым кризисом можно только вместе), но без модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.
2. Петров К.Е. Концепт «Европа» в современном политическом дискурсе // Политические исследования. 2004. № 3. С. 140–154.
3. Малинова О.Ю. Тема России и «Запада» в риторике президента В.В. Путина: Попытка переопределения коллективной идентичности // Два президентских срока В.В. Путина: Динамика перемен / Отв. ред. и сост. Н.Ю. Лапина. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 292–315.
4. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. Cambridge: The MIT-press, 1991.
5. Habermas J. Further Reflection on the Public Sphere / Habermas and the Public Sphere. Edited by C. Calhoun. Cambridge: The MIT Press, 1992.
6. Rutherford P. The Endless Propaganda: The Advertising of Public Goods. Toronto: University of Toronto Press, 2000.
7. The Making of a European Public Sphere. Media Discourse and Political Contention. Edited by W. Lance Bennett and Robert M. Entman. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
8. Schlesinger P. The European Union and the Public Sphere: a Communicative Space in the Making? London: Routledge, 2007.
9. Steeg, van de M. Rethinking the Conditions for a Public Sphere in the European Union // European Journal of Social Theory. 2. №4. P. 499–519.
10. Ericson E. An Emerging European Public Sphere // European Journal of Social Theory. 2. №3. P. 341–363.
11. Koopmans R., Erbe J., Meyer M. Europeanization of Public Spheres: Comparisons across Issues, Time, and Countries / The Making of a European Public Sphere. Media Discourse and Political Contention Edited by W. Lance Bennett and Robert M. Entman. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 82–96.
12. Bärenreuter C., Brüll C., Mokre M., Wahl-Jorgensen K. An Overview of Research on the European Public Sphere // Online Working Paper № 03, 2009. <http://eurosphere.uib.no/knowledgebase/workingpapers.htm>
13. Волков В. Формы общественной жизни: публичная сфера и понятие общества в Российской империи: Дис. ... канд. социол. наук. М., 1995.
14. Канлу В.И. Что такое Просвещение? Рождение публичной сферы и публичной политики в России // Публичное пространство, гражданское общество и власть / Редкол.: А.Ю. Сунгуров (отв. ред.) и др. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. С. 333–345.

15. Малинова О.Ю. Идеологический плюрализм и трансформация публичной «сферы» в постсоветской России // Политические исследования. 2007. №1. С. 6–21.
16. Малинова О.Ю. Введение // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы / Под ред. О.Ю. Малиновой. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011.
17. Транскрипт записи круглого стола «Россия и ЕС на перекрестке», Европейский парламент, Брюссель, 14 сентября 2010 г. // Архив автора.
18. Транскрипт записи круглого стола «Россия-НАТО: стереотипы», Центр Европейской безопасности. г. Москва.
19. Delcour L. The EU and Russia's modernisation: one partnership, two views [Электронный ресурс]. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/ideas/2011/04/the-eu-and-russia%E2%80%99s-modernisation-one-partnership-two-views/>
20. Нечего нам указывать // Ежедневный Журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ej.ru/?a=news&id=9504>
21. Инициатива «Партнерство для модернизации» // РИА «Новости» [Электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20100601/241202967.htm>
22. Lavrov call for EU-Russia Modernization Partnership is broad tells [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurofora.net/newsflashes/news/lavrovkosacheveurussiamodernizationpartnership.html>
23. Мовес А. Модернизация и партнерство // Ежедневный журнал [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=9880>
24. Larionova M., Nagornov V. Making the Most of the Partnership for Modernisation // The EU-Russia Center Review. Issue 15. The EU-Russia Modernisation Partnership. pp. 33–54
25. Joint Statement on the Partnership for Modernisation. EU-Russia Summit. Rostov-on-Don. 31 May–1 June 2010.
26. Statement by President Barroso following the Russia-EU Summit Joint press conference with the Russian President, Dmitry Medvedev, and the European Council President Herman Van Rompuy Nizhny Novgorod, 10 June 2011 [Электронный ресурс]. URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/11/430&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>
27. Remarks by Herman Van Rompuy President of the European Council at the press conference following the EU-Russia Summit [Электронный ресурс]. URL: http://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_Data/docs/pressdata/en/ec/122555.pdf
28. Barysch K. Can the EU help Russia modernise? [Электронный ресурс]. URL: <http://centreforeuropeanreform.blogspot.com/2010/05/can-eu-help-russia-modernise.html>
29. Phoney modernisation [Электронный ресурс]. URL: http://www.economist.com/blogs/easternapproaches/2010/05/eu_and_russia
30. Rettman A. Russian President: EU Parliament 'means nothing' [Электронный ресурс]. URL: <http://euobserver.com/24/114655>
31. Саммит Россия – ЕС: итоговая пресс-конференция теплой не получилась [Электронный ресурс]. URL: <http://rusinfo.de/2011/12/16/>
32. Judah B., Kobzova J. The Hobbled Summit [Электронный ресурс]. URL: http://ecfr.eu/content/commentary_the_hobbled_summit
33. Judah B., Kobzova J., Popescu N. Dealing With A Post-BRIC Russia. ECFR, 2011.
34. Wojciechowski M. Jewropa uprawia gipokryzję [Электронный ресурс]. URL: http://wyborcza.pl/1,86117,10806948,Jewropa_uprawia_the_gipokryzje.html#ixzz1gUd76MBd
35. EU-Russland-Gipfel: Schwäche der EU stärkt den Kreml [Электронный ресурс]. URL: http://diepresse.com/home/wirtschaft/eurokrise/717132/EURusslandGipfel_Schwaeche-der-EU-staerkt-den-Kreml
36. В отношениях современной России и ЕС изменения невозможны [Электронный ресурс]. URL: http://slon.ru/russia/v_otnosheniyakh_segodnyashney_rossii_i_es_izmeneniya_nevozmozhny-725710.xhtml